Библ. Пушк. Дома
Бр. 493/3
Инв. № 23037
БАН СССР
6665-А

И. ЭРЕНБУРГЪ.

Молитва о РОССІИ

1918

25057

И. ЭРЕНБУРГЪ.

МОЛИТВА о РОССІИ

1918

Сл. №2

„Всякій пьющій воду сію возжаждетъ опять.
А кто будетъ питъ воду, которую Я дамъ ему,
тотъ не будетъ жаждать вовѣкъ".

Ев. отъ Іоанна 4, 13-14.

МОЛИТВА О РОССІИ.

Эхъ, настало время разгуляться,
Позабыть про давнюю печаль!
Резолюцію, декларацію
Жарь!
Послужи ка намъ, красавица!
Что не нравится?
Приласкаемъ, мимо не пройдемъ—
Можно и прикладомъ,
Можно и штыкомъ!..
Да завоемъ во мглѣ
Отъ этой, отъ вольной воли!..

О нашей родимой землѣ
Миромъ Господу помолимся.
О нашихъ поляхъ пустыхъ и холодныхъ,
О нашихъ безлюбыхъ сердцахъ,
О тѣхъ, что молиться не могутъ,
О тѣхъ, что давятъ малыхъ ребятъ,
О тѣхъ, что поютъ невеселыя пѣсенки
О тѣхъ, что ходятъ съ ножами и съ кольями,
О тѣхъ, что брешутъ языками песьими
Миромъ Господу помолимся.

Господи, пьяна, обнажена
Вотъ Твоя великая страна!
Захотѣла съ тоски повеселиться,
Загуляла, упала, въ грязи и лежитъ.
Говорятъ—«нежилица»
Какъ же намъ жить?

Видишь плачутъ горькія очи
Твоей усталой рабы,
Только рубашка въ клочьяхъ,
Да румянецъ темной гульбы.
И поетъ, и хохочетъ, и стонетъ...
Только Своей ее не зови—
Видишь смуглыя церковныя ладони
Въ крови!
...А кто то ореть «Эй, поди ко мнѣ!
Иш, раскидалась голенькая!..»

О нашей великой странѣ
Миромъ Господу помолимся.
О матеряхъ, что прячутъ своихъ дѣтей—
Хоть бы не замѣтили!.. Господи, пожалѣй!..
О тѣхъ, что ждутъ послѣдняго часа,
О тѣхъ, что въ тоскѣ предсмертной молятся,
О всѣхъ умученныхъ своими братьями
Миромъ Господу помолимся.

Была вѣдь великой она!
И маясь молилась за всѣхъ,
И вѣрили всѣ племена
Что несетъ она міру Крестъ.
И глядя на Востокъ молчащій,
Гдѣ горе, снѣгъ и весна
Говорили вѣря и плача:
«Гряди, Христова страна!»
Была, росла и молилась,
И нѣтъ ея больше...

О всѣхъ могилахъ
Миромъ Господу помолимся
О тѣхъ, что съ крестами,
О тѣхъ, на которыхъ ни креста, ни камня,
О камняхъ на мѣстѣ, гдѣ стояли церкви наши,

О погасшихъ лампадахъ, о замолкшихъ колокольняхъ,
О запустѣніи нынѣ наставшемъ
Миромъ Господу помолимся.

Господи, прости, помилуй насъ!
Не оставь ее въ послѣдній часъ!
Все извѣдавъ и все потерявъ
Да уйдетъ она отъ смуты
Къ Тебѣ, трижды отринутому,
Какъ ушла овца заблудшая
Отъ пахучихъ травъ
На лугъ родимый!
Да отвергнетъ духа цѣпи,
Злое и разгульное житье,
Чтобъ съ улыбкой тихой встрѣтить
Иго легкое Твое!
Да искупитъ жаркой страдой
Эти адовы года,
Чтобъ вкусить иную радость
Покаянья и труда!
Ну, что сбилась на своемъ таинственномъ пути,
Господи, прости!
Да возстанетъ золотое солнце,
Церкви бѣлыя, главы голубыя,
Русь богомольная!

О Россіи
Миромъ Господу помолимся.

ПУГАЧЬЯ КРОВЬ.

На Болотѣ стоитъ Москва терпитъ,
Пріобщиться хочетъ лютой смерти
Надо какъ въ Чистый Четвергъ выстоять
Ужъ кричатъ пѣтухи голосистые.
Желтый снѣгъ отъ мочи лошадиной
Вкругъ костровъ тяжело и дымно.
Отъ церквей идетъ темный гудъ.
Бабы все ждутъ и ждутъ.

Крестился палачъ, пилъ водку,
Управился, кончилъ работу
Да за волосы какъ схватитъ Пугача.
Но Пугачья кровь горяча.
Задымился снѣгъ подъ тяжелой кровью.
Началъ парень чихать, сквернословить:
«Ужъ пойдемъ, пойдемъ, твою мать!
По Пугачьей крови плясать!»
Посадили голову на колъ высокій
Тѣло раскидали и лежитъ оно въ Болотѣ.
И стоитъ и стоитъ Москва,
Надъ Москвой Пугачья голова.

Раздѣлась баба, кинулась голая
Черезъ площадь къ высокому колу:
«Ты, Пугачъ, на колу не плачь!
Хочешь такъ побалуйся со мной, Пугачъ!
Проростутъ, проростутъ твои рваныя рученьки,

И покроется земля злаками горючими,
И начнетъ народъ трясти и слабить,
И потонутъ дѣтушки въ темной хляби,
И пойдутъ парни сѣмячки грызть, тѣшиться,
И станетъ тѣсно какъ въ лѣсу отъ повѣшенныхъ,
И кого за шею, а кого за ноги,
И разверзнется Москва смрадными ямами,
И начнутъ лечить народъ скверной мазью,
И будутъ бабушки на колокольни лазить,
И мужья пойдутъ въ церковь брюхатые,
И родятъ и помрутъ отъ пакости,
И отъ нашей родины останется икра рачья,
Да на высокомъ колу голова Пугачья!..»

И стоитъ и стоитъ Москва,
Надъ Москвой Пугачья голова.
Желтый снѣгъ отъ мочи лошадиной.
Вкругъ костровъ тяжело и дымно.

Парижъ, Ноябрь 1915.

СКАЗКА:

Каменщики пѣли «мы молоды!
Въ небо уйдемъ! что намъ стоитъ?
Въ нашихъ сердцахъ столько золота!
На горѣ новый городъ построимъ!
Весь міръ мы воздвигнемъ заново!
Наши башни пронзятъ небо старое!
Вмѣсто звѣздъ зажжемъ электрическія лампочки
Будемъ перекликаться съ жителями Марса!»

На лѣсахъ еще сновали каменщики быстрые,
А ужъ въ залы тащили бархата ворохъ...
Въ одну ночь былъ выстроенъ
Самый высокій городъ.
Чего только въ немъ не было!..
Ручные носороги въ саду куралесили.
Прямо въ небо
Уводили витыя лѣстницы.
Старики рѣзвились задравъ рубашки,
Младенцы спорили о философіи,
Всѣ цѣлый день играли въ шашки
И пили кофе.
Никто не грустилъ
Ибо никто не любилъ,
Никто не воскресалъ,
Ибо никто не умиралъ.
Но всѣ, вздымаясь на самолетахъ быстрыхъ
Нѣжно ласкали другъ друга,

И только смѣлка потискивали,

О землѣ вспоминая темной и скудной.
Такъ не зная юности и старости
Жили люди, можетъ день, можетъ годъ...
Чтобъ не пробрался гость изъ иного царства
Три гепарда не отходили отъ золотыхъ воротъ.

Былъ вечеръ. На площади пѣли скрипки сонныя.
Томныя дѣвушки жевали цыплятъ,
Юноши засыпая тонкіе экспромты
Ногтемъ писали на цвѣточныхъ лепесткахъ.
Тогда пришелъ на площадь Нищій,
Больной, смердящій, въ рогожѣ драной
Скрипки залаяли неприлично.
На фруктовыя вазы вскочили дамы.
«Вотъ вамъ гепарды!.. Завели бъ лучше сторожа съ собаками!..»
«Папа, развѣ есть на свѣтѣ нищіе?..»
«Послушайте, monsieur, вы плохо пахнете!..
Вы вѣрно ошиблись... кого вы ищете?
«Иду я на Святую Гору, грѣхи замаливать!
Я ослѣпъ отъ снѣга, я оглохъ отъ вѣтра!
Благодѣтели милосердные, сжальтесь!
Дайте до утра отогрѣться!..»
Отвѣчали ему всѣ: мудрые младенцы, попугаи, дамы,
Мопсы, старички, коты сіамскіе:
«Ахъ, какъ жаль! вы напрасно шли такъ много!
Ни одного мѣстечка свободнаго!
Сойдите на землю тамъ, помнится,
Есть отели, меблированныя комнаты
Нашъ городъ такъ малъ.
У насъ всего пятьсотъ залъ;
Сто залъ чтобъ пить Шато д'Икемъ, сто залъ чтобъ вздыхать поутру,
Сто залъ для чтенья персидскихъ лириковъ,
Сто залъ для ѣзды на ручныхъ кенгуру,

Сто залъ откуда мы смотримъ на Сиріуса...
Какъ видите—все занято...
Счастливый путь!.. До свиданья!..»

Нищій перстомъ замкнулъ свой горькій роть,
Дрожа отъ стужи у деревьевъ мандариновыхъ,
На челѣ его выступилъ кровавый потъ.
Открылись на ладоняхъ язвы гвоздиныя
И всеже вздохъ пронесся длинный и могильный
Какъ вѣтръ. Погасли люстры.
Стѣны закачались. Диваны заходили.
Коты сіамскіе замяукали грустно
Да гдѣ то чирикала птичка:
«Поль, что случилось? Зажгите жъ электричество!»
Потомъ все стихло, просвѣтлѣло.
Нѣтъ города! Ночь, снѣгъ, тишина,
Только вѣтеръ трепалъ портьеры, да на осколкахъ
тарелокъ
Голубѣла куцая луна.
Дамы декольтированныя груди прикрывали перьями
страусовыми,
Мужчины отъ холода хватались за животы,
Визжали младенцы забывъ о Шопенгауерѣ,
Издыхая царапались взлохмаченные коты.
«Я хотѣла надѣть теплое платье... это ты сказалъ не-
нужно!..»
«Я не вижу ни автомобиля, ни даже простого из-
вощика...»
«Это ужасно!.. вѣдь я еще не ужиналъ!..»
«Ты забываешь, что я на седьмомъ мѣсяцѣ... я умру...
ты вѣдь хочешь?..»
«Можетъ помолиться?.. вѣдь такіе случаи въ исто-
ріи бывали...»
Отче Нашъ!.. вы не помните какъ дальше?..

Нищій все также дрожалъ у березы печальной,
Кровавый иней на лбу блисталъ,
Отнявъ отъ усть застывшій палецъ,
Онъ сказалъ:
«Я такой маленькій—я живу въ заячьихъ норахъ,
Я ночую въ домикѣ улитки, въ гнѣздѣ жаворонка.
Я не могъ помѣститься въ вашемъ огромномъ городѣ!
Я не могъ войти въ ваши залы мраморныя!
У васъ были звѣзды, золотыя вазы, скрипки нѣжныя,
У васъ былъ городъ въ цвѣту и въ огняхъ.
Я стоялъ и плакалъ надъ вашей бѣдностью—
У васъ не было мѣста для меня.
Что отдать вамъ? Моя рогожа разодрана,
Кругомъ только лѣсъ и снѣга.
Какъ приму васъ? У меня нѣтъ высокаго города,
У меня нѣтъ даже простого очага.
Но вѣрьте! вѣрьте! вѣрьте!
Что вамъ стужа? что вамъ снѣгъ?
Мое сердце
Открыто для всѣхъ!
Усомнились, оно маленькое! гдѣ же?
Насъ много! какъ мы войдемъ?
Глупые! Цѣлый міръ находилъ послѣднее прибѣжище
Въ немъ!»

Говорилъ Нищій. Падали слезы жаркія.
И земля дышала бѣлымъ паромъ,
Снѣгъ сходилъ, средь листьевъ прошлогоднихъ,
Показались первыя былинки, такія убогія,
Зацвѣтали первоцвѣты, запахло Пасхой,—
Запѣли къ землѣ припадая бѣлогрудыя ласточки,
Слезы капали, землю тревожили
Будили, грѣли.
Слезы, иль можетъ быть
Дождикъ апрѣльскій.
И дряхлые франты въ промокшихъ цилиндрахъ,

И дамы, бросая съ пудрой пуховки,
Грѣясь на солнцѣ, плакали слезами невинными,
Радуясь веснѣ средь зимы глубокой:
«Христово сердце! солнце майское!
Въ Твоихъ лучахъ мы купаемся!»

Только нищій какъ прежде дрожалъ отъ стужи, отъ вѣтра.
Его лицо кололъ декабрьскій снѣгъ.
Нѣтъ! Ему не согрѣться
Вовѣкъ!
Слышимъ Твой голосъ
Но въ нашихъ сердцахъ унылыхъ
Такая темь! такой холодъ!
Господи помилуй!

СУДНЫЙ ДЕНЬ.

Дѣтямъ скажете «когда съ полей Галиціи,
Зализывая язвы,
Она бѣжала еще живая—
Мы могли какъ прежде грустить и веселиться,
Мы праздновали,
Что гдѣ то подъ Санемъ теперь не валяемся.
Зубы чужеземные
Рвали родимую плоть,
А всѣ мы
Крохи подбирали, какъ псы лизали кровь.
Срывали съ нея рубище,
Хлестали плетьми
Кусали тощія груди,
Которыя не могли кормить»...

Дѣтямъ скажете «къ веснѣ она хотѣла привстать,
Мы кричали «пляши! эй, Дунька!»
Это мы нарядили болящую мать
Въ красное трико площадной плясуньи.
Лѣто пришло. Она стонала,
Рукой не могла шевельнуть.
Мы били ее—кто мужицкимъ кнутомъ, кто палочкой.
«Ну, смѣйся! веселенькой будь!»
Ты первая въ мірѣ—
Ухъ, упирается, дохлая!
Живѣй на канатъ и пляши въ нашемъ циркѣ!
Всѣ тебѣ хлопаютъ!»

Дѣтямъ скажете: «мы жили до и послѣ,
Ее на мѣстѣ лобномъ
Еще живой мы видали»
Скажете: «осенью
Тысяча девятьсотъ семнадцатаго года
Мы ее распяли».

* * *

Октябрь
Всѣхъ покрылъ своимъ туманомъ.
Были средь нихъ храбрые,
Молодые, упрямые,
Они шли и жадно пили отравленный воздухъ,
Будто не на смерть шли,
А только сорвать золотыя звѣзды,
Чтобъ онѣ на землѣ цвѣли.
Были обманутые—нестройно шагали,
Что ни шагъ оглядывались назадъ.
«На прицѣлъ!» ужъ курки сжимали ихъ пальцы,
Но еще, стыдливо потуплялись глаза.
Были трусливые—юлили, ползали.
Были изступленные какъ звѣри.
Были усталые, бездомные, голодные,
У которыхъ въ душѣ только смерть.
Было ихъ много, шли они быстро,
Прикрытые желтымъ туманомъ,
Велъ ихъ на страшный приступъ
Дѣдъ балаганный.
И когда на Невскомъ шутъ скомандовалъ, «направо!»
И толпа разлилась по Дворцовой Площади—
Слышно было кто то взывалъ средь ночи
«Савлъ! Савлъ!»

Еще многія руки— пусть слабыя!
Сжимали невидимый ларь,
Гдѣ хранилась честь Россійской Державы.

«Чего зря болтать!.. Ставь пулеметы!.. Жарь!»

Въ Зимнемъ Дворцѣ, среди пошлой мебели,
Средь царскихъ портретовъ въ чехлахъ,
Пока вожди еще бредили,
Въ послѣдній часъ,
Бѣдныя куцыя дѣвушки,
Въ огромныхъ шинеляхъ,
Когда всѣ предали
Умереть за нее хотѣли—
За Россію
Кричала толпа
«Распни ее!»
Ужъ матросы вобѣгали по лѣстницамъ;
«Сучьи дѣти! всѣхъ перебьемъ!
Ишь бабы! Экая нечисть заводится!..»
А онѣ передъ смертью
Еще слышали колыханье побѣдныхъ знаменъ
Нынѣ усопшей Родины...

«Эй тащи дѣвку! Разложимъ бѣдненькую!
На всѣхъ хватитъ! Чортъ съ тобой!»
«Это будетъ послѣдній
И рѣшительный бой.»

Пушки гремѣли. Свистѣли пули.
Добивали раненыхъ. Сжигали строенія.
Потомъ все стихло. Прости, Господь!
Только краснѣла на заплеванныхъ улицахъ,
Средь окурковъ и сѣмечекъ
Русская кровь.

Бились и въ Москвѣ. На бѣлыя церкви
Трехдюймовки выплевывали адовъ смрадъ,
И припавъ къ ранѣ Богородиценаго Сердца
Плакалъ патріархъ.
Поцаженныя рукой иноземной

Въ Наполеоновы дни,
Подъ снарядами гнулись Кремлевскія стѣны—
Имъ нечего больше хранить!
Вотъ юнкера, гимназисты
На бульваръ выбѣгаютъ, юные, смѣлые.
Баррикада. Окопъ. «Кто тамъ? слушей!»
Но вотъ подошелъ и выстрѣлилъ,
И душа Отчизны въ небо отлетѣла,
Вмѣстѣ съ столькими юными душами.

Радуйся, Берлинъ! Готовьте трофеевъ смотръ!
Стройте памятники! Жены дарите героевъ любовь
Больше до васъ не дойдутъ съ Востока
Наши Христовы славословья!
Бѣлая держава міру не напомнитъ,
Что не только въ Эссенѣ льется сталь,
Что въ нашей обители темной
Любовью ковали мы мечъ Христа!
Радуйся Германія!
Deutschland Deutschland über alles!

Въ балаганѣ
Рѣзвые клоуны кувыркались
«Старое—долой его! старое издохло!
Въ новомъ мірѣ
Мы получимъ... что? все!..»
А на Гороховой
Пьяный старичекъ въ потертомъ мундирѣ
Еще вопилъ «Да пріидетъ Царствіе Твое!»

По всѣмъ проводамъ сновали вѣсти.
«Они уничтожены!.. мы побѣдили!
Въ Аткарскѣ въ маленькомъ домикѣ, сидя въ креслѣ
Плакала мать «Мишенька, миленькій!..»
Въ снѣжныхъ пустыняхъ Сибири, Урала
Проволоки пѣли «да здравствуетъ Циммервальдъ!»

А мертвая даль
Молчала.
Усадьбы горѣли, тамъ въ глуби
Кровянѣлъ встревоженный Югъ.
И наборщики складывали тѣ же пять буквъ:
«Убить! убить! убить!»
Въ Тулѣ Ивановъ
Третій день какъ моритъ таракановъ,
Выпилъ чай, зѣвнулъ, перекрестилъ ротъ.
«Экстренныя телеграммы!
Новый переворотъ!»
Парни пьянымъ—пьяные
Съ тоски стрѣляютъ въ воронъ...

Съ сѣвера, съ юга народы кричали:
«Рвите ее! она мертва!»
И тащили лохмотья съ смердящаго трупа.
Кто? украинцы, татары, летгальцы
Кто еще? Это подъ снѣгомъ ухаетъ
Вырывая свой клокъ мордва.
И только на дѣтской картѣ (ея не будетъ больше)
Слово «Россія» покрываетъ
Полъ-міра, и «Р.» на Польшѣ,
А «я» у границъ Китая

Вотъ ужъ свои отрекаются «мы не русскіе!
Мы не останемся съ ними вмѣстѣ.
Идутъ германцы! Пусть они
Эту сволочь скорѣе повѣсятъ!»
И цѣпляются за скользящія акціи,
И прячутъ серебряныя ложки. Ночью не спится,
Они злятся и думаютъ «когда-то
Въ это время мы спаржу сосали въ Ниццѣ»

Въ Петербургѣ отъ запаха гари, крови, спирта
Кружится голова.
Запустѣнье! Пугливо жмутся
Китайчата и поютъ «а! а!»

Кто-то выбѣжалъ нагишемъ ореть «всемірная
Революція!»
А вывѣски усмѣхаются мерзко—
Ихъ позабыли снести—
«Еще есть въ Каирѣ отель «Минерва»!
«Еще душатся въ Парижѣ духами Коти!»
Въ театрѣ—тамъ нѣту околъ!
Пѣвица поетъ еще о страсти Карменъ.
На улицѣ пусто. Стрѣляетъ кто-то...
Еще стрѣляетъ—зачѣмъ?
Тамъ на вокзалѣ послѣдній поѣздъ
Сейчасъ заплачетъ и скроется
Средь снѣга.
Гдѣ ты, Родина? Отвѣть!
Не зови! не проси! не требуй!
Дай одно—умереть!..

За гробомъ идетъ старикашка пьяный,
Споткнулся, упалъ, плюнулъ.
«Мамочка!
Оступился!.. Эхъ еще бъ одну рюмочку!..»
Вы думаете—хоронятъ дѣвку
Пройти бъ стороной!
Стойте и пойте всѣ вы:
«Со святыми упокой!»
Хоронить, хоронить намъ всего и осталось,
Ночью и днемъ хоронить.
Вотъ жалобно
Послѣдніе гаснутъ огни.
Темь. Нищій мальчикъ
Проситъ;
«Ради Бога
Надъ сиротинкой сжальтесь!»

Дѣтямъ скажете «осенью
Тысяча девятьсотъ семнадцатаго года
Мы ее распяли!»

ВЪ НОЯБРѢ 1917

Крутили цыгарки и пѣли
«Такая—сякая, моя!»
Только на милыхъ сѣрыхъ шинеляхъ
Кровь была—и чья!
И съ пѣсней Ее убили...
Кого—развѣ знали они?
Только бабы крестясь голосили,
Да выли псы на цѣпи.
Надъ землей церковной и нѣжной
Стлался желтый тяжелый дымъ.
Мы хотѣли спасти, но гдѣ же!..
И клали пятокъ на поминъ
Вы пришли въ этотъ часъ послѣдній.
Свѣтлыя дѣти—не зная какъ,
Вы молили не о побѣдѣ—
Умереть за Нее и за насъ.
Когда все кончалось, вы, дѣти,
Закричали «Она жива!»
Но никто, никто не отвѣтилъ—
Въ эти дни молчала Москва.
Кто знаетъ какъ вы бились,
И когда не стало дня,
Какъ вы ночью одни исходили
На холодныхъ осеннихъ камняхъ,
Когда все затихло и ночью
Только стылыя звѣзды зажглись,
Когда тѣ дѣлили ужъ клочья

Ея омраченныхъ рацъ.

И какою великою вѣрой
Въ этотъ часъ прикрылись вы,
Прижавшись слабѣющимъ сердцемъ
Къ мертвому сердцу Москвы.

ПОХОРОНЫ.

Шли они съ гробами раскрытыми,
Съ красными флагами, съ красными цвѣтами.
Слышно было—баба всхлипывала:
«Ваня!.. какъ же ты, Ванечка?..»
Шли и пѣли о побѣдѣ страшной,
И кому то грозили штыки,
А баба все спрашивала, допрашивала,
Завывая отъ смертной тоски.
Но въ отвѣтъ звенѣла лишь чужая пѣсня.
На гробахъ, на цвѣтахъ, на флагахъ—кровь.
Точно всѣ забыли, что воскреснетъ
Жалкая раздранная плоть,
Что не только для благихъ и зрячихъ,
Для слѣпцовъ, чья доля темнота,
Въ этотъ часъ раскрыты будутъ настежь
Вольныя Христовы ворота.

У ОКНА.

Темно.
Стрѣляютъ.
Мы? они? Не все ли равно!
Это день или мѣсяцъ? Не знаю!
Можетъ снится? отчего жъ такъ долго?
Пуля пролетѣла. Отчего же мимо?
А снѣгъ лежитъ сухой, тяжелый—
Его не сдвинуть.
Пьяный солдатъ поетъ:
«Вставай! подымайся!..»
Кричитъ воронье,
Да въ сторожкѣ баба завываетъ:
«На кого ты меня оставилъ?.. Боренька! родненькій!..
И пойду я по міру...»
Если бъ злоба—стрѣлять въ этихъ хмурыхъ солдатъ!..
Если бъ слезы были—заплакать...
«Товарищи! часъ насталъ!..»
Бѣгутъ куда-то...
Снѣгъ на нихъ, на землѣ, на сердцѣ,
Не сойдетъ... И зачѣмъ весна?..
«Ура!» Это кто-то бредитъ предъ смертью,
А можетъ и такъ спьяна...
Что же! прыгай да пой по новому
И шуми, и грозись, и стрѣляй!..
Лихая ты! непутевая!
Родная моя! прощай!
«Всѣмъ! всѣмъ! Возваніе.

Спасайте! Стрѣляйте! впередъ!»
Закроютъ глаза пятаками,
И вѣтеръ одинъ пропоетъ:
«Вѣчная память!»
Придутъ другіе, чужіе,
Надъ твоей посмѣются судьбой.
Нѣтъ, не могу! Россія!
Умереть бы только съ тобой!..

ВЪ СМЕРТНЫЙ ЧАСЪ.

Когда распинали московскіе соборы
Ночь была осенняя черная,
Не гудѣли колокола тяжелые,
Не пѣли усердныя монахини,
И отлетали безвинные голуби
Отъ своихъ родимыхъ папертей.
Только одна голубица чудная
Не улетала съ быстрыми стаями,
Тихо кружилась надъ храмомъ поруганнымъ,
Будто въ немъ она что-то оставила.
Пресвятая Богородица на муки сошедшая,
Пронзенная стрѣлами нашими,
Поднесла голубицу трепетную
Къ сердцу Своему кровью истекавшему:
«Лети, голубица райская!
Лицомъ къ землѣ на широкой площади
Лежитъ солдатъ умирающій,
Испить передъ смертью хочетъ онъ.
Одинъ только разъ онъ выстрѣлилъ,
Выстрѣлилъ въ церковь печальную,
Оттого твои крылья чистыя
Кровью Моей обагряются.
Омочи этой кровью его губы убогія!
Напои его душу бѣдную,
И скажи ему что приходитъ Богородица,
Когда больше ждать уже некого,
И только если заплачетъ онъ,
Увидавъ Мое сердце пронзенное—
Скажи ему что радость Матери
Своей кровью поить дѣтенышей.

БОЖЬЕ СЛОВО.

Въ ту годину люди отступили отъ Господа,
И другъ друга поджидали съ ножами острыми,
И пустѣла земля трупами смердящая,
И глумились дѣти надъ болящей Матерью,
И горѣли наши церкви православныя,
Подожженныя по наученью Дьявола.
Господь, жалѣя народъ оставленный
Призвалъ Егора—человѣка праведнаго.
«Егоръ, вижу я—бѣсы морочатъ ихъ.
Сильно скорбитъ Мое сердце отчее.
Мое Слово въ тебѣ! даже самые грѣшные
Предъ тобой покаятся и слезами утѣшатся.
Пошелъ Егоръ, но только Слово вымолвилъ—
Лютые люди на него накинулись,
Посадили его за рѣшетки желѣзныя,
Неуемный языкъ ночью отрѣзали,
И радовались что Слово благодатное
Навѣкъ въ груди человѣчьей заперто.
Но ангелъ прилетѣлъ, перстами чистыми
Изъ сердца Егора онъ Слово выпустилъ.
Вылетѣла на волю Птица тихая,
И по птичьи тихо зачирикала,
И люди, слушая слова непонятныя—
Понимали ихъ и отъ радости плакали,
И бросали ножи, и смѣялись по младенчески,
И каясь лобзали землю весеннюю,
И глядѣли какъ Птица вольная
Кружилась надъ бѣлыми колокольнями,
Улетая къ своему гнѣзду высокому,
Что вьетъ она въ самомъ сердцѣ Господа.

МОЛИТВА ИВАНА.

Шелъ Иванъ домой, какъ вышло замиренье,
Злой такой «хоть бабу похлестать бы вѣникомъ,
Бабы все костистыя, старыя,
Разложить бы на дорожкѣ барышнк.
Сжечь бы ихъ—свиньи собачьи!
И куръ бы прирѣзать—чего кудахчутъ?
Всѣхъ перебью—никого не останется.
Юбки задерете, запсете «Вплечка!»
И зачѣмъ оставляютъ дѣтенышей ихнихъ?
Я, Иванъ, бы живо—только пикнулъ.
И хлебнуть бы винца, холодно,
До того дѣла наши веселыя...»

Зашелъ въ чайную. Орстъ граммофонъ,
Хоть шибко, да все не о томъ.
И говоритъ въ углу одинъ чубастый,
Съ шипомъ говоритъ, а слова ласковыя
И кому по головкѣ, а кому по зубамъ,
И будто онъ ужъ Иванъ, да не Иванъ,
Идетъ отъ него паръ густой, а самъ рыжій,
И точно рога подъ шапкой бараньей
Шумитъ Иванъ «что ты пыжишься?
Никого кромѣ меня не останется!
Я намедни генералу въ морду далъ!
Не Иванъ я вовсе—генералъ!
И какая у меня въ стаканѣ пакость?..
И чего ты рыжій, да рогатый?..

Эй заведи еще пѣсенку!
Очень мнѣ у васъ невесело!..»

Вышелъ Иванъ. Морозъ, а снѣга не выпало,
И стоитъ земля ничѣмъ неприкрытая,
Крутитъ Ивана, вертитъ, тянетъ.
«Чортъ, неужто отъ трехъ стаканчиковъ?..»
И видитъ онъ на землѣ язвы черныя,
И дѣлятъ землю и другъ друга за бороды,
И давятъ въ сторонкѣ, и пухнутъ съ голоду,
А петли не простыя—шелковыя,
И баба съ младенцемъ, и шляпка на ней занятная,
И какъ Ивану въ ноги кинется:
«Хлѣбушка, милосердный батюшка!»
А младенецъ ужъ вовсе синенькій
И хлѣбъ горитъ, Иванъ за нимъ,
Да не взять—глаза ѣстъ дымъ,
И сидятъ во дворцѣ юркіе—упаси, Боже!
И стѣнки ножемъ ковыряютъ, да кажутъ рожи,
И отъ всѣхъ заботъ обезъязычили,
Только ребятъ по соловьиному кличутъ,
Ѣдятъ младенцевъ—хорошо молъ отъ порчи,
Да не впрокъ, все кряхтятъ и корчатся,
И въ церквяхъ завели блудь по очереди
И гдѣ кровь, а гдѣ блевотина,
И бѣгутъ по пятамъ супостаты:
«До чего вы, православные, лакомые!»
И нѣтъ ужъ нашей Россеи и тошно ему,
И стоитъ онъ Иванъ одинъ—одинешенекъ...

Смутился Иванъ—«ишь гады!
Все отъ вина—какой тутъ порядокъ!
Хоть бы чортъ подсобилъ что-ли малость,
А то намъ самимъ трудно стало...»
А ужъ рядомъ идетъ, и безстыжій—хвоста не прячетъ,
То пѣтухомъ кричитъ, то брешетъ по собачьи,

Говоритъ такъ-то, мой милый Ванечка!
Я и книжки читалъ, что книжки—Писаніе,
Мы не какъ-нибудь—справедливо, поровну,
Вотъ тебѣ баба, вотъ ему, чтобъ не ссорились,
Сколько тебѣ десятинъ?
Ужъ мы высчитаемъ, да скрѣпимъ.
Будешь съ бабой спать, да соусъ кушать...
Что же, давай твою душу!
Не вспомнитъ тебѣ даже Имени Божьяго,
Поклоняться будешь нашимъ рожамъ,
Вотъ, Иванъ, занесемъ въ резолюцію!..»
Стонетъ Иванъ, хоть бы очнуться!..
И какія можно слова припомнить?
Какъ мамка говорила «Ванюша, ты потихоньку!..
Какъ пичуга къ дождю кричитъ «пиить! пить!»
Ишь маленькая, а хочешь жить...
Какъ Машка просила «не губи! вѣдь узнаютъ...
И какъ на сѣнѣ всю ночь маялась...
И какъ лежитъ онъ въ окопѣ подбитый,
И будто волкъ идетъ, а онъ ему «брысь!»
И все проситъ «жжетъ... испить бы...
Богородица!.. заступись!..»

Глядитъ Иванъ одинъ онъ снова.
Снѣгъ только выпалъ—чистый, ровный.
Говоритъ «хорошо мнѣ, и ничего не надо,
И такая во мнѣ играетъ радость.
Пресвятая Богородица!
Нищъ и слѣпъ прозрѣлъ Тебя сподобился.
Я пойду по селамъ, по полямъ.
Золотое сердце, я землѣ отдамъ.
Покровенная! Благодатная!
Погляди Ты, на людскую маету
Заступись Ты за Россею, свѣтлымъ платомъ
Ты покрой ея хмельную срамоту.
Видишь вся она въ жару и правды проситъ,

Опознай ее и тихо призови
Срокъ придетъ и мы сберемъ колосья
Расточенной по міру любви.
Вотъ передъ Тобой лѣса, поля—
Вся великая россійская земля.
Помочь только Ты умѣешь—
Помоги Ты бѣдной Россеи!..»

МОЛИТВА О ДѢТЯХЪ.

Господи, въ эти дни
Кто о себѣ молиться смѣетъ?
Покарай насъ грѣшныхъ и злыхъ!
Но дѣтей... пожалѣй ихъ!..
Тѣхъ, что при каждомъ выстрѣлѣ
Пугливо другъ къ дружкѣ жмутся,
Тѣхъ, что—такіе голосистые
На бульварѣ играютъ «въ революцію»
Тѣхъ, что продаютъ вечернія телеграммы,
И страшныя слова выкрикиваютъ,
Непонимая отчего мы шатаемся будто пьяные,
Заслышавъ ихъ веселое чириканье,
Тѣхъ, что прячутъ подъ подушку плюшевыхъ звѣрей,
Чтобъ не обидѣлъ кто-то,
Тѣхъ, что слушаютъ шаги у дверей—
«Когда же папа вернется?»
Всѣхъ, всѣхъ!
Боже, безъ нихъ такъ, пусто, такъ страшно,
И смерть съ нами!
Оставь намъ радость нашу,
Наше послѣднее упованіе.
Боже, не слыша дѣтскаго смѣха
Мы забудемъ какъ поетъ ручей веселый,
Какъ шумитъ береза, тронутая вѣтромъ—
Мы забудемъ Твой голосъ!
И не видя дѣтскихъ глазъ
Мы забудемъ какъ звѣзды блистаютъ ночью,

Какъ онѣ гаснутъ въ утренній часъ—
Мы забудемъ Твои очи,
И никогда усталый человѣкъ,
Стоя надъ маленькой кроваткой съ свѣткой
Не скажетъ «Господи! Какой свѣтъ!
Какая радость въ моемъ сердцѣ!»
Оставь ихъ! ими утѣшимся—
Это наша лѣсенка маленькая—
По ней даже самый грѣшный
Взойдетъ къ Тебѣ на небо

У СУХАРЕВОЙ БАШНИ.

Къ Сухаревой Башнѣ въ праздникъ Покрова
Собиралась темная Москва.
Приходили душегубы съ шлюхами;
Изъ ночлежекъ прибѣгали дѣвки смрадныя,
И кряхтѣли богомолки безпутныя
На охальниковъ нѣжно поглядывая;
Безрукіе, безногіе, на колесикахъ
Обрубки мяса по камнямъ тащили;
Пріодѣвшись, чинно, будто въ гости,
Выступали красноносые могильщики,
Играли на гармонникѣ рѣзвые карманники;
Бѣглые монахи пѣли «Спаси, Господи!..»
Старухи изъ богадѣльни въ поясъ кланялись.
А мальчишки ихъ щипали досыта.

Когда часы на башнѣ пробили двѣнадцать
Сталъ народъ вкругъ столба собираться.
Къ столбу привязали малаго младенца
И былъ онъ бѣленькій будто барашекъ,
И младенцу кланялись земно,
И по очереди всѣ его допрашивали:
«Отчего ты бѣлый такой, да гладкій?
Отчего ты усмѣхаешься ласково?
Видно спишь на мягкой кроваткѣ
Пьешь молочко, да съ сахаромъ...
Мы люди темные,
Беззаконные.

Коль гулять начали—
Не осуди насъ, батюшка!»

Кланялись младенцу и били его шибко—
Кто кочергой, кто кнутомъ, кто прутьями желѣзными,
Плевали въ его личико улыбчивое,
Нѣжное тѣльце на кусочки рѣзали.
Потомъ сказалъ воръ, не простой—главный:
«Поучили! довольно!
А теперь Господу Богу помолимся
За упокой новопреставленнаго...»
Всѣ на землю попадали, заерзали какъ черви,
Поползли на брюхѣ:
«Заступница Усердная,
Онъ насъ попуталъ.
Пришли мы и видѣли—
Вонючій козелъ
Вкругъ башни прыгалъ
И откуда пришелъ?..
Ради праздника
Малость выпили...
Господи, пошли на насъ казни
Египетскія!
Рѣжь насъ! бей! жги!
Не оставь живого мѣста!
Охъ, отъ бѣса все...
Пресвятая Богородица, помоги!»

На столбѣ сидитъ младенецъ, улыбается,
И ни одной царапины на тѣльцѣ нѣжномъ,
И цвѣтутъ вкругъ него цвѣты райскіе—
Курослѣпы желтые, синіе подснѣжники.
Воры и разбойники Господа хвалили,
Въ цвѣтникѣ рѣзвились будто дѣти,
И зацвѣтали ихъ души умильныя
Свѣтлыми, весенними цвѣтиками.

Богородица, Цвѣтъ Сладчайшій
Тебѣ поклоняемся!

Тихо ночь сошла съ самой башни,
Загорѣлась въ небѣ звѣзда.
Расходился народъ—кто куда...
Охъ, грѣхи, грѣхи наши тяжкіе!..

ВЪ ПЕРЕУЛКѢ.

Переулокъ. Снѣгъ скрипитъ. Идутъ обнявшись.
Стрѣляютъ. А имъ все равно.
Цѣлуются, и два облачка у губъ дрожащихъ
Сливаются въ одно.
Смерть ходитъ разгнѣванная,
Вотъ она! за угломъ! близко! рядомъ!
А бѣдный человѣкъ обнимаетъ любимую дѣвушку
И говоритъ ей такія старыя слова:
«Милая! ненаглядная!»
Стрѣляютъ. Прижимаются другъ къ другу еще тѣснѣе.
Что для смерти наши преграды?
Но даже она не сумѣетъ
Разнять эти руки слабыя!
Боже! зимой цвѣтовъ не найти,
Малой былинки не встрѣтить—
А вотъ люди могутъ такъ любить
На глазахъ у смерти!
Можетъ черезъ минуту они закачаются,
Будто поскользнувшись на льду,
Но также другъ друга нѣжно обнимая
Они къ Тебѣ придутъ.
Можетъ въ эти дни надо только молиться,
Только плакать тихо...
Но, Господи, что́ не простится
Любившимъ?

МОЯ МОЛИТВА.

Утромъ, надъ ворохомъ газетъ,
Когда хочется выбѣжать, закричать прохожимъ:
«Нѣтъ!
Послушайте! такъ невозможно!»
Днемъ, когда въ городѣ
Хоронятъ, поютъ, стрѣляютъ,
Когда я думаю чтобъ понять «я въ Москвѣ, нынче вторникъ,
Вотъ дома, магазины, трамваи»...
Вечеромъ, когда мы собираемся, споримъ долго,
Потомъ сразу замолкаемъ и хочется плакать,
Когда такъ неувѣренно звучитъ голосъ:
«До свиданья! до завтра!»
Ночью когда спятъ и не спятъ, и ходятъ на цыпочкахъ,
И слушаютъ дыханье ребятъ и молятся,
Когда я гляжу на твою карточку, на письма—
Все что у меня есть... можетъ не увижу больше...
Я молюсь о тебѣ, о всѣхъ васъ, мои любимые!
Если бъ я могъ
Заслонить васъ молитвой, какъ птица заслоняетъ крыльями
Птенцовъ.
Господи, заступись! не дай ихъ въ обиду!
Я не знаю—можетъ мы увидимся,
Можетъ скажемъ обо всемъ «это было только сонъ!»
А можетъ скоро уснемъ...
Знаю одно—въ часъ смертный,

Когда будетъ смерть въ моемъ сердцѣ
Еще живой, уже недвижный,
Скажу я—
«Господи, спасибо!
Ты далъ мнѣ много, много!..
Не оставилъ меня свободнымъ.
Ярмо любви я тащилъ и падалъ,
Отъ земли ухожу, но я знаю радость.
Отъ земли ухожу, но на землю гляжу я,
Гдѣ ты, гдѣ всѣ вы еще любите и тоскуете...
Господи, заступись! не дай ихъ въ обиду!
Я люблю ихъ! Господи, спасибо!»

КАКЪ АНТИПЪ ЗА ХОЗЯИНОМЪ БѢГАЛЪ.

Къ ужину Антипъ малость выпилъ
И скучно стало Антипу,
Говоритъ хозяину
«Это не ханжа—одна пакость.
Пойду послушаю, что люди болтаютъ,
А не то полѣзу драться.»
Пришелъ въ балаганъ. У всѣхъ морды красныя.
Сидятъ барышни, будто въ банѣ парятся.
И какъ выскочитъ одинъ очкастый—
Ужъ кричать нѣтъ силъ, только хрипитъ «товарищи!»
И пошелъ на головѣ плясать.
Ахъ ты, мать! ахъ ты, мать!
Кубаремъ, да и въ щелку пролѣзъ—тоненькій!
А ужъ злой!
Вскочилъ Антипъ: «правильно! понялъ я!
Тѣсно мнѣ! мать ихъ! долой!..»
Побѣжалъ домой къ хозяину
«Иванъ Васильичъ, я теперь все понимаю.
Я тебя нюхалъ давеча—
Пахнешь ты чудесно,
Ну, а мнѣ не нравится,
И вообще тѣсно мнѣ!..
Что ты смотришь бокомъ
На прощанье присѣлъ бы—
Потому прирѣзать тебя придется,
Ничего не подѣлаешь!
Ахъ, Иванъ Васильичъ,

Вмѣстѣ мы жили,
Что жили—пили!..
А теперь нельзя! вмѣстѣ
Никакъ не помѣстимся.
Я вѣдь говорю тебѣ по божески,
Плачу я... Ахъ, Иванъ Васильичъ!..
Пойду поточу ножикъ
Шея у тебя того—жилистая...»

Хозяинъ какъ былъ въ однихъ порточкахъ
Вонъ изъ дому, да по Тверской,
Антипъ за нимъ—«ишь чортъ! жить хочетъ!
Прыткій какой!
Проситъ Иванъ Васильичъ,
«Задохся, отпусти меня, миленькій!
Вотъ тебѣ мое слово—
Будемъ жить съ тобой вмѣстѣ,
Что плохо пахъ—такъ я запахну по новому,
А что тѣсно—такъ ужъ какь-нибудь умѣстимся.
Разсуди самъ—развѣ это правильно?
У меня четыре дочери—
Не могу я Господу преставиться
Въ этакихъ порточкахъ!»
Слышать Антипъ не хочетъ. Такъ оба и скачутъ—
За заставу, черезъ огороды, въ поле чистое,
Глаза у нихъ вылѣзли будто рачьи,
Какъ псы языки повысунули
Думаетъ Антипъ—гдѣ ужь здѣсь опохмелиться!..
Жжетъ внутри... Такъ ужь плохо...
Хоть бы залить водицей,
А то зря издохнешь»
Видитъ рѣчку,
Кричитъ: «Хозяинъ, а, хозяинъ!
«Мы небось бѣгаемъ съ вечера,
Теперь отдохнуть полагается!»
Сѣли подъ кустикъ,

Попили воды студеной,
Иванъ Васильичъ даже расчувствовался,
Антипа по усамъ погладилъ, обнялъ:
«Сонъ я видалъ—лежитъ на блюдѣ селедка,
А клюетъ ее галка, а у галки подъ хвостомъ кошка—
Я ужъ тогда подумалъ,—вотъ какъ!
Не къ добру, сонъ, говорю, нехорошій,
Развѣ я, Антипъ, не понимаю? помирать мнѣ надо,
А жить вотъ какъ хочется!»
«Правильно хозяинъ—смотри не падай!
Далеко не ускачешь ночью!
Прирѣзать все равно придется
Мы теперь съ тобой враги!..
Ну, отдохнули, пора и за работу!
Ты ужъ впередъ бѣги!»

Долго бѣгали, ослабли
За животы хватаются съ голоду
Видятъ яблоню—
Яблоки горятъ ярче золота
«Стой, хозяинъ!
Яблоки гладкіе, сладкіе...
Я здѣсь примощусь, а ты рви съ того края—
На всѣхъ хватитъ!
Былъ я давеча въ этомъ циркѣ.
Такъ одинъ объяснилъ—нѣту такой квартиры,
Дома такого, нѣтъ на землѣ такого мѣста,
Чтобъ мнѣ Антипу съ тобой, Иванъ Васильичъ,
Не было бъ тѣсно.
А то по хорошему жили бы—
Самому вѣдь хочется!..
Ну бѣги, да подтяни ка порточки!»

Бѣгутъ, видятъ домикъ, маленькій—сразу не замѣтишь,
Какъ скворешникъ, только птица пролѣзть и можетъ,
А на домикѣ крестикъ,

И самъ онъ вродѣ Храма Божьяго,
И поютъ не колокола—колокольчики
Говоритъ хозяинъ—«зайдемъ помолимся!
Нынче воскресенье!
Вотъ бѣгаешь—все забудешь! Ну и времячко!..»
Смѣется Иванъ: «что ты думаешь—вмѣстѣ
Мы въ этой клѣткѣ помѣстимся?
Да я одинъ не влѣзу въ эту скважину—
Что я—не влѣзетъ младенецъ голенькій.
Это церковь не для людей, а такъ кажется
Птичья или пчелиная что ли...»
Уговорилъ, полѣзли рядышкомъ, будто братья,
И вошли свободно.
Антипъ оставилъ ножъ на паперти—
Какъ то съ ножемъ неудобно
Глядятъ народу тьма—тьмущая, кого только нѣту?
А мѣста еще больше—стоитъ церковь пустая,
И будто ждать уже некого,
А народъ все собирается.
Всѣ здѣсь—воры, дамы, генералы,
Шлюхи, мужики, солдаты, дѣтки малые.
А вотъ Ивана Васильича дочки,
И отецъ Антипа—приперъ изъ деревни,
Чудно очень—
Какъ дошелъ, вѣдь Тамбовской губерніи,
Вотъ и очкастый, что ходилъ вверхъ ногами,
Стоитъ тихенькій, будто вымытый,
Низко кланяется,
И глаза у него голубиные.
Стало Антипу такъ хорошо!.. Херувимская...
И точно сердце его таетъ, таетъ,
И нѣтъ внутри ничего, все вынули,
Кто-то за него молится, кается...
Только слезы текутъ умильныя...
«Слушай Иванъ Васильичъ,
Какіе мы съ тобой были бѣдные!

А вѣдь все такъ просто!
Довольно! набѣгались!
Мѣста на всѣхъ хватитъ, слава Тебѣ, Господи!»

Сердца какъ свѣчи горѣли,
Жаркія сгорая пѣли:
«Слава тебѣ, наша Церковь, слава!
Для всѣхъ кто вѣритъ и не вѣритъ,
Для всѣхъ праведныхъ и неправедныхъ
Настежъ раскрыты твои двери!
Младенца къ тебѣ приносятъ, Церковь!
Раскройте двери! Лейся свѣтъ! Слезы лейтесь!
Въ жизнь погружается новое сердце!
Плачьте! Надѣйтесь!
И къ тебѣ прибѣгаетъ разбойникъ дикій,
И машетъ руками, и кланяется земно,
Будто тонетъ и хочетъ еще выплыть.
Его ты святила когда былъ онъ младенцемъ.
Женихъ и невѣста. Тяжелыя кольца. Крестъ.
Тихо плачутъ души раненныя.
Въ часъ вѣнчанья слышенъ крыльевъ плескъ—
Двухъ птицъ или душъ или ангеловъ?
Здѣсь плачь, молодая вдовица!
О эти камни бейся, мать! Свѣтъ ночью!
Обломокъ корабля! Дай укрѣпиться!
Души теряйте—міръ обрѣтете!
Гробъ, и въ послѣдній разъ онъ смотритъ...
Закройте тѣсныя двери!
Раскройте шире иныя ворота!
Вѣрьте—
Душа его восходитъ! она высоко! высоко!..
Церковь, къ тебѣ прибѣгаютъ лютые звѣри,
Зализываютъ раны волки,
Отсыпаются псы безпутные,
И поютъ жаворонки—такіе веселые
Въ майское утро.

Землю омой, дождь! прикрой ее, нѣжный снѣгъ!
Нѣтъ на землѣ ни конца, ни смерти,
Коль ты открыта для всѣхъ! для всѣхъ!
Наша великая Церковь!
—«Люди вы еще думаете?—Нѣтъ!
Сердце, ты еще бьешься?—Нѣтъ!
Всѣ думы, все бьенье, весь трепетъ—
Въ себя вмѣстила—одна за всѣхъ—
Я—Церковь!»

Антипъ шепчетъ тихо.
«Вотъ и мы просвѣтлились.
Ты думаешь здѣсь Антипъ? нѣтъ Антипа.
И тебя нѣтъ, Иванъ Васильичъ!
Ни моихъ, ни твоихъ, ни ихнихъ,
Ни очкастаго изъ цирка—
Но всѣ мы! А толкомъ
Я сказать не сумѣю...
Только пусто въ моемъ сердцѣ
И стоитъ оно любовью до верху полное...
Милые, пейте!..»

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр
Молитва о Россіи	5
Пугачья кровь.	8
Сказка	10
Судный День	15
Въ Ноябрѣ 1917 г.	21
Похороны.	23
У окна	24
Въ Смертный Часъ	26
Божье Слово	27
Молитва Ивана	28
Молитва о Дѣтяхъ.	32
У Сухаревой Башни.	34
Въ Переулкѣ	37
Моя Молитва	38
Какъ Антипъ за хозяиномъ бѣгалъ	40

Книги И. Эренбурга.

СТИХИ:

Стихи. Парижъ 1910. ц. 50 к. У Вольфа.
Я Живу. С.-Петербургъ. 1911. ц. 1 р. «Общественная Польза».
Одуванчики. Парижъ. 1912. Разошлось.
Будни. Парижъ. 1913. Въ продажѣ не имѣется.
Дѣтское. Парижъ. 1914. Разошлось.
Стихи о Канунахъ. Москва 1916 ц. 1 р. 50 к. У Вольфа.
Повѣсть о жизни нѣкой Наденьки 1916. Въ продажу не поступало.
О жилетѣ Семена Дрозда. 1917. Въ продажу не поступало.
Молитва о Россіи. Москва 1918 ц. 2 р. Въ «Сѣверныхъ Дняхъ».

ПЕРЕВОДЫ:

Франсисъ Жаммъ. Стихи и проза. Москва 1913 ц. 1 р. У Вольфа.
Поэты Франціи (1870—1913 гг.) Парижъ 1914 ц. 1 р. 50 к. У Вольфа.
Франсуа Війонъ. Отрывки изъ Большого Завѣщанія, баллада и др. стихотворенія Москва. 1916 «Зерна» ц. 1 р. У Вольфа.
Жакъ де Безье. О трехъ рыцаряхъ и рубахѣ. Повѣсть XIII вѣка. Гравюры И. Лебедева. 1916 «Зерна» ц. 3 р. У Вольфа.
Поэты старой Испаніи (XII—XVII вѣка). Готовится.

2,40

Цѣна 2 рубля.

Складъ изданія „Сѣверные Дни“, Тверская 29,
МОСКВА.